

УДК 398.22 + 82а-131
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-2-57-75

Переосмысление общеэпической ценностной категории «героический гнев» в русских былинах: богатырская «ярость / обида» как христианский концепт

А. С. Миронов

*Московский государственный институт культуры
Химки, Россия*

Аннотация

Как показывают результаты аксиологического анализа, для дохристианской эпики характерно представление о гневе как об «индикаторе» героического характера: эпический персонаж «обязан» испытывать эту эмоцию, когда публичная оценка его личной чести не соответствует его собственному представлению об уровне необходимых почестей. Подобная ситуация трактуется персонажем как бесчестье и вызывает его гнев, побуждающий к насильственному восстановлению «справедливости».

Принципиальное исключение из этого правила обнаруживает русский героический фольклор: былины не мыслят «ярость», «обида» богатыря как реакцию на недооценку его личной чести. В русском эпосе языческое понимание гнева уступает место его новой трактовке: гнев мыслится как проявление «любви-ревности» о внешних реалиях и объективных категориях, обладающих «честью». Те герои, которые гnevаются из-за того, что определенные объекты, люди и установления оказываются лишенными своего сакрального статуса, неизменно торжествуют в былинах, хотя совершенные ими подвиги и не приводят к увеличению их собственной имущественной чести.

Ключевые слова

эпос, былины, гнев, честь, аксиология, христианские ценности

Для цитирования

Миронов А. С. Переосмысление общеэпической ценностной категории «героический гнев» в русских былинах: богатырская «ярость / обида» как христианский концепт // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 2: Филология. С. 57–75. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-2-57-75

A Rethinking of the Pan-Epic Value Category “Heroic Anger” in Russian Bylinas: The Knight’s “Fury / Resentment” as a Christian Concept

A. S. Mironov

*Moscow State Institute of Culture
Khimki, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The article examines the concept of anger, which should be placed among the central concepts of the world’s folk epics.

Results. According to axiological analysis, pre-Christian epic poetry renders anger as a certain “indicator” of heroic nature peculiar to this or that character: the epic hero is “obliged” to feel this emotion when public evaluation of his personal honor (the one made either by his relatives or his bride, lord, rival, etc.) does not meet his own idea of those honors which should be granted to him as a possessor of miraculous strength. Such an underestimation is treated by

© А. С. Миронов, 2021

the character as a kind of disgrace, and, consequently, provokes his anger – a feeling that induces him to restore “justice” through violent means.

Russian folk epics, however, should be considered as a principal exception from this rule: bylinas don't render the “fury” – or the “resentment” – of the knight as his response to the underestimation of personal honor. In Russian heroic songs, the pagan understanding of anger mentioned above is replaced by a new treatment of this feeling: now, anger is conceived as a manifestation of “love-eagerness” focused on those external realities and objective categories, which presuppose their own “honor”. Also, bylinas are remarkably distinct from other folk epics by their two opposed types of heroic characters: here, we find both “pagan knights” (Volkh, Dunay, Vasilij Buslaev, Ivan Godinovich, Sukhman) and “Christian knights” (Ilya, Dobrynya, Alesha, Mikula, etc.). If the former ones are angry because of their personal disgrace (and, as a rule, perish), the latter ones become angry when certain individuals, objects, and value categories (“God's law”, “honorable icons”, widows, orphans, etc.) are insulted or devoid of their sacredness; in bylinas, these heroes are invariably rendered as victorious, though their feats – the ones caused by “fury” and “eagerness” – do not increase their own property honor.

Conclusion. Among the world's folk epics, only Russian bylinas render the hero's anger as a Christian concept presupposing both righteous zeal and love.

Keywords

folk epics, bylinas, anger, honor, axiology, Christian values

For citation

Mironov A. S. A Rethinking of the Pan-Epic Value Category “Heroic Anger” in Russian Bylinas: The Knight's “Fury / Resentment” as a Christian Concept. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 2: Philology, p. 57–75. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-2-57-75

Л. Н. Майков первым из эпосоведов заметил, что ключевым качеством Ильи Муромца является его умение «сдерживать гнев» [Майков, 1863. С. 119]; Л. И. Поливанов соглашается с тем, что сдержанность есть «идеальное свойство» этого богатыря, хотя гневливость и другие страсти «увлекают его подчас за пределы добра» [Поливанов, 1888. С. 24]. В свою очередь, А. П. Скафтымов указывает, что «психологическая ситуация» богатырского гнева есть один из ключевых «элементов», увлекающих слушателей былины [Скафтымов, 1924. С. 101], а Ю. М. Соколов в 1937 г. обратил внимание на то, что Илья «в состоянии побеждать свою личную обиду, возвышаясь над личными чувствами» [Соколов, 1937. С. 190]. Британские исследователи Гектор и Нора Чедвики были убеждены, что героям русских былин свойственна «безрассудность», которая порой заставляет их вести себя гневливо и грубо, подобно невоспитанным детям [Chadwick H. M., Chadwick N. K., 1936. P. 87–88]. Отметим также, что В. М. Гацак посвятил отдельную главу своей монографии сравнительному анализу различных форм героического гнева в русском и мировом эпосе [Гацак, 1989. С. 25–37], а «богатырский гнев» в былинах был специально проанализирован Ф. М. Селивановым [1969] и С. Ю. Неклюдовым [1973]. Однако ни в одном из упомянутых трудов не были рассмотрены причины, вызывающие гнев богатыря, и, в частности, не выявлены те ценности, достижению которых служит эта эмоция.

Укажем в начале, что в эпическом творчестве самых разных народов концепт гнева неразрывно связан с представлением о чести героя как о той «цене» его личности, которая складывается из стоимости имущества – как наследуемого, так и добытого персонажем. При этом в абсолютном большинстве героических песен – от «Эпоса о Гильгамеше» до карельских рун, от гомеровских поэм и французских жест до «Шахнаме» Фирдоуси, а также нарских и среднеазиатских эпосов – слагаемые личной чести неизменны. Это – конь, доспех и оружие, а также жена / невеста и дети, трактуемые как собственность героя, нередко его дружина, золото, земли или корабли, постройки, скот, равно как и заслуженное им место на пиру, и т. д.

Итак, если личная честь-имущество есть одна из наивысших, предельных ценностей для языческого сознания (наряду с «бессмертной» славой-молвой), то героический гнев есть ценность инструментальная: эта эмоция «стимулирует» героя и, как следствие, делает возможным приращение или восстановление его чести. Ущерб или недооценка личной чести-имущества, приводят в гнев Гильгамеша и Ахилла, ирландского героя Кухулина и персона-

жей «Старшей Эдды», «Саги о Волсунгах» и «Песни о Нибелунгах», рыцаря Гийома Оранжевого («Коронавание Людовика», «Нимская телега»), сасунских удальцов и нартов (адыгейского Сосруко, осетинского Батрадза и др.), кигизских исполинов Манаса и Семетя, калмыцкого Хонгра и якутского Мюльджю, эвенкийских богатырей (Содани, Дэвэлчэна) и многих других. Источник гнева – чувство несправедливости, которое языческий герой испытывает, когда осознает, что честь, воздаваемая ему другими людьми (властителем, красавицей, иным богатырем) не соответствует тому потенциальному уровню личной чести-имущества, который может обеспечить его сила. Определение И. В. Шталь, полагавшей, что у Гомера гнев есть «свидетельство сил эпического героя, и чем больше этих сил, тем сильнее, чрезмернее богатырский гнев» [Шталь, 1983. С. 118], необходимо уточнить: героическая ярость есть свидетельство не просто наличия силы у персонажа, но именно ее несоответствия той чести, которая уже воздается герою. Дисбаланс внутренней силы и «внешней» чести воспринимается как несправедливость и запускает механизм героической ярости.

Знаменитый гнев Ахилла, которого соратники обесчестили, отняв законную добычу – прекрасную Бризеиду (Гомер называет ее «вознаграждением», «даром» – τὸ γέρας (Гомер, 1928. Р. 14)) – задает отправную точку, главный конфликт «Илиады». Герой оценивает себя наравне с Агамемноном, но воздаваемая ему честь-имущество оказывается ниже царского уровня: «Жестокий мне гнев наполняет и сердце и душу, / Если я вижу, что равного равный хочет ограбить...» (Гомер, 2008. С. 225). В тексте «Илиады» находим подтверждение того, что поход ахейцев на Трою вызван стремлением Агамемнона утолить свой гнев (Гомер, 2008. С. 53) и восстановить личную честь, пострадавшую от бесчестия, нанесенного Парисом всему царскому роду Атридов. Гектор гневается, когда Аякс сбивает его с ног ударом камня, – этот досадный случай снижает «цену» троянца в глазах окружающих, вызывая яростное стремление компенсировать дисбаланс силы и чести (Гомер, 2008. С. 212). В сходной ситуации гневается и Эней, оправившись от удара Диомеда (Гомер, 2008. С. 72). Впоследствии Эней гневается уже на Приама потому, что тот «не оказывал ему чести», несмотря на то что герой чувствует себя «храбрейшим» из троянцев (Гомер, 2008. С. 186).

Не случайно гнев Одиссея на женихов Пенелопы проявляется в тот момент, когда Лаэртид побеждает в состязании. Одиссея возмущает, что его высокую личную «цену», только что подтвержденную в испытании, приравнивали к низкому уровню чести-имущества (ведь, как известно, женихи разграбили дом, обесчестили служанок, претендовали на жену хозяина и осмеивали его наследника). Тоска и ропот Гильгамеша, обращенные к богам, суть тот же героический гнев, только безысходный: герой убежден, что нечеловеческая сила делает его достойным большей чести (бессмертия), нежели доля смертного. Предположение божественной кравчей Сидури о том, что протагонист неспособен справиться со своей задачей без помощи таинственных объектов *shut-abni* («сделанные из камня» в буквальном переводе [Luckenbill, 1922. Р. 97]), приводит к тому, что герой в гневе разрушает *shut-abni* и собственными силами добивается необходимого результата.

Кухулин испытывает ярость, когда его собственный возница предсказывает поражение героя в схватке с Фердиадом («Отныне и навеки конец притязаниям и правам твоим на славу и честь боевую, о крохотный бешеный карлик!» («Бой Кухулина с Фердиадом», 1961. С. 93)). Подобным же образом Хонгр (герой калмыцкого эпоса «Джангар») приходит в «богатырский гнев», когда говорящий конь напоминает об угрозе бесславия в случае поражения в поединке с Тёгя Бюсом:

Ужели не жаль тебе чести своей?
Ужели стыда в твоём сердце нет?
(«Джангар», 1971. С. 61)

У Гомера Агамемнон напоминает ратоборцам о том, как на пирах они похвалялись «отработать» царскую честь, выступив в бой – каждый против сотни и двух сот троянцев (Гомер, 2008. С. 66). Указание царя на дисбаланс внутренней силы и «внешней» чести героев призвано разъярить их и подвигнуть на битву.

Недооценка властителем личной чести того или иного персонажа – распространенная эпическая проблема, которая разрешается только посредством гнева и последующей активностью оскорбленного. Так, Ахиллес разъяряется на Агамемнона, Рустам – на шаха Кавуса («Когда я в гнев – что мне шах Кавус? / Владыка, не к лицу тебе корона!») (Фирдоуси, 1972. С. 171)), татарский эпический Идегей – на Токтамышша, рыцарь Гийом Короткий Нос («Нимская телега») – на своего короля.

Родственники и друзья также значимы для личной чести героя, поэтому любой ущерб, причиненный им, приводит к снижению личной чести самого богатыря и непременно вызывает его гнев. Так, витязь Багдасар («Сасна црер»), подозревая убийство брата, в гневе истребляет всех жителей в окрестностях Медного города. Герои и героини «Саги о Волсунгах» и «Старшей Эдды» испытывают гнев всякий раз, когда их личная честь страдает из-за убийства родственника: такова главная мотивировка персонажей, «двигатель» эпического действия.

Нередко ярость героя вспыхивает из-за сватовства к его родственнице – в том случае, если честь жениха заведомо ниже чести рода, к которому принадлежит сам герой. Певец таджикского эпоса «Гуругли» называет «праведным» гнев, который шах Сугдунча испытывает, когда дэв сватается к его дочери («Гуругли», 1975. С. 365). И по этой же причине сватовство великана из нижнего мира к сестре эвенкийского Содани-богатыря приводит последнего в ярость («Храбрый Содани-богатырь», 1990. С. 153–155). Часто героический гнев вызывают дерзкие красавицы, которые своим поведением демонстрируют протагонисту, что находят уровень его личной чести недостаточно высоким. Так гневается Сухраб («Шахнаме») на богатырку Гурдафарид (Фирдоуси, 1972. С. 156), Манас и Семетей (киргизский эпос) на своих невест, всеильный богатырь Дэмэрчел (герой эвенкийского нигмнгакана) – на девушку из верхнего мира.

В понимании эпических певцов любая – даже несостоявшаяся – попытка отнять у героя часть его имущества есть законный повод для ярости. Когда посланник Мысрамэлика пытается лишить Давида Сасунского наследуемой чести (оставшегося от отца золота), герой в гнев отрезает ему губы и вбивает зубы в лоб. Когда шах Тимир (татарский эпос «Идегей») требует выслать ему лучшего сокола, принадлежащего Тохтамышу, последний «как железо холодное... потемнел», «раскалится добела» («Идегей», 1990. С. 7). Даже предположение о возможном бесчестии героя (трусости, неспособности отомстить) само является бесчестием и вызывает гнев. Гуннар («Сага о Ньяле»), узнав, что враги рассказывают, будто он плакал от страха, немедленно отправляется мстить, причем его мать замечает, что «еще не видала» сына в таком гнев («Сага о Ньяле», 1973. С. 245). Киргизского Семетея охватывает знаменитая «жажда крови», и он пытается растерзать своего друга Кульчоро, потому что тот обесчестил богатыря, оставив его в одиночестве, «как верблюда, замерзшего в степи» («Манас», 1999. С. 274).

Приступы героического гнева нередко случаются с будущим витязем еще в детстве, когда родственники вольно или невольно препятствуют восстановлению его наследуемой чести, скрывая богатырское происхождение малыша. Многие будущие герои чувствуют (как нарт Ачемез, сасунский удалец Давид, башкирский богатырь Кусэж, киргизский Семетей), что врожденная сила намного превосходит их «детский» статус; недоумевая о причинах этого несоответствия, они жестоко пытаются родственников¹, увечат сверстников, портят имущество (Давид Сасунский во время состязания с пахлеванами Мысра-Мелека; Манас, играя в ордо и др.). В ряде эпосов этот конфликт скрытой силы и детской внешности обострен до предела: будущий герой имеет отвратительный вид (младенец Гэсэр смердит; Мюльджю выглядит как «отроде дьявольское» [Говоров, 2010. С. 33]). Подразумевается, что, пребывая в пониженном статусе (как физическом, так и социальном), эпический герой внутренне кипит от ярости, стремясь обрести более высокий уровень личной чести, приличествующий его силе.

¹ См. в частности: Кусяк-бий // Башкирское народное творчество. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1987. Т. 1: Эпос. С. 486.

Пример тому находим в бурятском улигере, где протагонист говорит о себе: «...От злости и злости / Я выскочил из колыбели через изголовье» (цит. по: [Гацак, 1989. С. 29]).

В ирландском эпическом сознании представление о том, что внутри героя живет некий сверхчеловеческий «другой», породило образ разъяренного Кухулина, с которым происходит своего рода «антипреображение»: ноги выворачиваются коленями назад, раздувается глаз, обнажаются зубы и т. д. Герой якутских олонхо буквально «выходит из себя» в гневе: его «тело громко гудит», на висках загорается синее пламя, «Сухожилия, сокращаясь, / Стягивают спину назад в дугу» [Говоров, 2010. С. 202] и т. д.

В героическом эпосе механизмом, обеспечивающим акт публичного оценивания чести, является брак: личная честь богатыря приравнивается к определенному уровню женского благородства и красоты, а также наследуемого красавицей имущества. Впрочем, героини тоже приходят в ярость при неадекватной оценке собственной чести: так, Брюнхильд «Саги о Волсунгах» гневается и мстит – потому, что считает личную честь своего мужа (Гуннара) не соответствующей ее «цене» как красивейшей и мудрейшей из дев. Жена адыгейского нарта Химиша, происходящая из породы «маленьких людей», приходит в ярость и навсегда покидает супруга, когда тот единственный раз с насмешкой напоминает о ее росте.

Если супруга переживает похищение, изменяет мужу или не может принести потомства, ее «цена» резко снижается, происходит специфическое «окрадывание» главы семейства. Бездетная жена Герсе-хана («Книга моего деда Коркута») поневоле бесславит супруга, о нем распространяется дурная молва как о «проклятом», его сажают на пиру под черное знамя – и герой в ярости намеревается казнить красавицу.

Молодой Семетей избивает кнутом жену, пытающуюся задержать его в начале богатырской миссии, целью которой является освобождение отца и, соответственно, восстановление личной чести. Протагонист армянского эпоса «Давид Сасунский» проклинает собственного сына, потому что поражение в поединке с юным Мгером резко снижает «цену» Давида как героя: сын «устыдил» отца «посреди чужих» («Давид Сасунский», 1939. С. 76). Проклятие оказывается единственным выходом: если Давид убьет Мгера, то еще больше повредит собственной чести-имуществу, важным элементом которой является достойный наследник; если же Давид простит сына, то согласится с бесчестьем и перестанет быть героем.

Буйная ярость, «героическое безумие» – неотъемлемый и даже доминирующий концепт в ценностном центре языческого героя. Если персонаж творит насилие или совершает убийство, такой поступок может быть оправдан именно гневом как «справедливое» деяние. Однако ярость не только легитимирует уже совершенное, она, как мы отмечали выше, есть условие подвига: чтобы атаковать, нужно прогневаться. Когда Кухулину не удается с первого раза преодолеть мост Срыва, насмешки других учеников приводят его в бешенство: «тогда он от ярости чудесно исказился, сделал *геройский прыжок лосося* и оказался на середине моста» («Сватовство к Эмер», 1933. С. 122). Именно гнев позволяет и героям, и эпическим антагонистам задействовать их необычайную силу: например, когда Грендель в «Беовульфе» одним движением выбивает окованные железом ворота королевской палаты, певец указывает на причину его удивительной мощи: «ибо он был разгневан» (“...ða / [he ge-]bolgen wæs” (“Beowulf”, 1882. P. 35)).

В эпической поэзии народов Западной Европы после принятия христианства все же сохраняется языческий концепт гнева как инструментальной ценности, позволяющей увеличить силу богатыря и «конвертировать» ее в славу или личную честь-имущество. Так, в англосаксонской песне «Битва при Мэлдоне» вождь христианского воинства Бюрхтнот вскипает гневом именно тогда, когда враги предлагают ему купить мир и тем самым наносят ущерб его имущественной чести. Англо-саксонские эпические певцы признавали за гневом ключевую роль в поддержании и приращении личной чести мужчины – при том, что в церковной литературе того же периода гнев однозначно отвергался как пагубная страсть [Bremmer, 2015. P. 3]. Если для Беовульфа слава есть главная ценность, то ключевым инструментом ее достижения является, без всякого сомнения, гнев в дохристианском его понимании. Так, пе-

ред поединком с Гренделем Беовульф гневается из-за того, что чудовище недооценивает его силу, пытаясь засунуть героя в мешок, «как и прочих» («Беовульф», 1975. С. 128). Как можно видеть, протагонист возмущен тем, что Грендель ставит его в один ряд с простыми воинами (заметим кстати, что главные былинные богатыри – Илья и Добрыня – переживают вынужденный плен в мешке («кармане») без сколько-нибудь акцентированных проявлений гнева²).

В схватке с матерью Гренделя Беовульф испытывает ярость, когда возникает угроза поражения. Певец поясняет, что герою удается отшвырнуть от себя чудовище потому, что он «разгневан был» (“gebolgen wæs” (“Beowulf”, 1882. P. 119)). Впоследствии, уже будучи правителем, Беовульф разъяряется на дракона за личное бесчестие (в том числе за сожженные палаты и убитых подданных). Даже если предположить, что «Беовульф» написан рукою монаха-христианина, символически воспевавшего борьбу со страстями (убийство дракона есть победа над многострашанием и т. д.), то и в этом случае содержание конкретных ценностей, мотивирующих героя, остается преимущественно дохристианским.

Подобно витязям-язычникам, персонаж французских жест Гийом Оранжский приходит в ярость, если уровень чести, воздаваемой ему властителем, не соответствует самооценке героя: не получив за свои подвиги земель и золота, он готов убить двенадцать пэров Франции и самого короля Людовика («Нимская телега», 1976. С. 224). В «Песни о Роланде» Ганелон предлагает императору поставить своего приемного сына во главе французского арьергарда, рассчитывая на гибель Роланда. Последний воспринимает это как оскорбительную недооценку своей силы со стороны Ганелона и, в полном соответствии с законами языческой героики, испытывает ярость. В «Песне о моем Сиде», на первый взгляд, протагонист не гневается (но сам становится жертвой королевского гнева), однако все его поступки мотивированы страстным желанием восстановить баланс силы и личной чести. Это яростное рвение побуждает Компеадора действовать без передышки: всего за несколько недель он восстанавливает с избытком свою имущественную честь и добивается прощения от короля.

Все сказанное, однако, не относится к русским былинам, в которых дохристианский концепт гнева последовательно девальвируется. По тому, занимает ли этот концепт доминирующую позицию в ценностном центре героя, богатырей нетрудно разделить на два типа. К первому можно отнести витязей-«язычников»³ (Дунай Иванович, Иван Гоудинович, Василий Буслаев), которые гnevаются совершенно так же, как герои дохристианских и внехристианских эпосов. Все эти богатыри проявляют классический эпический гнев – и терпят поражение.

Так, Дунай Иванович приходит в ярость, когда Добрыня, вопреки письменному предупреждению, ест и пьет в его шатре, а затем намеренно портит ценное имущество (Дунай воспринимает это как бесчестие и недооценку своей силы). Впоследствии Дунай гневается на Настасью, которая бесчестит его на пиру (подобно Брюнхильд, королева считает унижительным брак с простым богатырем, но вынуждена согласиться на него, потому что обеспечена Дунаем). История героя-честолюбца заканчивается катастрофой: богатырь убивает беременную супругу, а затем и себя.

² См., в частности: Святогор // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: тип. Акад. наук, 1900. Т. 3. С. 383; Святогор // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. СПб.: Типо-литогр. Н. Соколова и В. Пастор, 1904. С. 256; Про Святогора // Былины Пудожского края. Петрозаводск: Гос. изд-во К-Ф СССР, 1941. С. 100; Добрыня Никитич // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: тип. Акад. наук, 1894. Т. 1. С. 50; Женильба Добрыни и неудавшаяся женильба Алеши // Беломорские былины, записанные А. Марковым. М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1901. С. 313.

³ Говоря о «языческих» концептах, мы имеем в виду не культовые понятия, изучаемые историками и этнографами, но мотивирующие этих героев концепты, обнаруживаемые в ценностных центрах героев дохристианских и внехристианских эпосов. О языческом эпосе восточных славян почти ничего не известно, однако в былинах обнаруживаются универсальные, по-видимому, концепты «языческой» эпической героики; возможно, точнее было бы именовать их ценностями «ветхого» человечества, однако такое определение, заимствованное из языка христианского богословия, менее удобно в настоящей публикации.

Другой киевский богатырь, Иван Годинович, воспринимает как личное бесчестие замечание князя, который сомневается в том, что он сможет совладать с Настасьей Бугригорьевной:

Ох ты гой еси, Иван сын да Годинович,
А [и] той-те невесты не владать будёшь!
(«Иван Годинович», 2004. С. 348)

По мнению богатыря, эти слова князя преуменьшают его личную честь, и, как следствие, Иван гневается:

Разгорелось да сердё богатырьско[ё]!
А он скакал, Иван, да на резвы ногі:
Он одной-то ногой – на дубовой стол,
А другой-то ногой – на серёдку пол.
(«Иван Годинович», 2004. С. 348)

Перескакивание через «честные столы» в былинах обычно трактуется как недостойный поступок, для слушателя это примета того, что герой поступает предосудительно⁴. В ярости Иван отправляется добывать невесту и увозит ее силой. Когда девушка принимает сторону иноземного витязя, с которым ранее была обручена, богатырь воспринимает это как попытку обесчестить его и в гневе лишает красавицу жизни. Действиями героя управляет эпический гнев, но в былинном мире его поступок оказывается несовместимым с богатырским призванием. Сам персонаж тяжело переживает произошедшее: монашеский постриг и отказ от брака до самой смерти становятся необходимым финалом этой былины⁵.

Новгородский удалец Василий Буслаев в детстве, во время игр, убивает и калечит сверстников, а когда родители пострадавших требуют выслать его из города, юный богатырь, как и полагается герою языческого типа, приходит в ярость («Тут-то Васиньки за беду стало, / За великую досаду показалось») («Василий Буслаев и Новгородцы», 2001. С. 212)). В иных вариантах он гневается оттого, что новгородцы не зовут его на «братчину-Никольщину», не выделяют почетного места на пиру, грозятся «на его добрых конях поездить», «васильевых цветных платьев подержать», «васильевой золотой казны потащить») («Василий Буслаевич», 1864. С. 237). И то, и другое – бесчестие, нарушающее баланс внутренней силы героя и публичного чествования, на которое богатырь притязает по праву сильного. Когда «дружинушка хоробрая» Василия Буслаева несет потери, это наносит ущерб чести-имуществу героя и еще больше разжигает его ярость. Требование Василия к побежденным новгородцам обсыпать его «черленый вяз... красным золотом») («Василий Буслаев в Новгороде», 1904. С. 351) отражает сугубо языческое понимание личной чести: эта категория мыслится в связи с общественным воздаянием, эквивалентным тем физическим качествам, которыми обладает герой.

В образе Буслаева русское эпическое сознание разрабатывает проблему богатырской силы, не знающей нравственных пределов в своих притязаниях на публичное чествование. Герой не останавливается перед убийством крестного отца, кощунственно сопровождая удар упоминанием традиционного пасхального атрибута, «яичка») («Василий Буслаевич», 1861. С. 349), что однозначно воспринималось эпической аудиторией как поступок отрицательный. Впоследствии герой, осознавая свою великую силу, позволяет себе бесчестить память великого богатыря, павшего в бою с «сорочиной долгополой» на Святой Земле (мертвая голова, «сухая кость»), которую персонаж пинает у подножия Голгофы, вполне могла восприниматься слушателями былинного сказителя как святые мощи). Окружающие напоминают протагонисту, что «нагим телом» в Иордане купался «сам Христос», и это приводит Василия в ярость: демонстративно нарушая запрет, герой показывает всем, что считает себя достойным встать на один уровень с самим Сыном Божиим.

⁴ См. в частности: Добрыня Чудь покорил // Древние Российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. М.: Наука, 1977. С. 109.

⁵ См. в частности: Иван Косьянович (Годинович) // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 680; Иван Годинович: [Былина] № 164 // Былины: В 25 т. СПб.: М.: Наука; Классика, 2004. Т. 4. С. 362.

При некотором уровне обобщения можно сказать, что Василий Буслаев олицетворяет собой языческое понимание богатырской силы, ту точку зрения, которая оправдывает даже злодеяние (при условии, что оно «великое» и удивительное, обеспечивающее молву, как в случае с убитым крестным батюшкой). Уверенность в правах, которые дает физическая сила (вера протагониста в свой «черленый вяз») превращает Буслаева в самого гневливого из русских богатырей. Его бессмысленная гибель на Святой Земле призвана, по нашему убеждению, девальвировала ценность героического гнева в сознании слушателей.

Более того, русский эпический певец последовательно деконструирует в сознании своей аудитории ценность гнева как «героической» реакции на личное бесчестие. Такое бесчестие может быть нанесено сильному человеку либо женщиной (Дунай, Иван Гоудинович), либо обществом (Буслаев), либо властителем (Сухман). Последний, будучи оскорблен недооценкой своих сил со стороны князя, в гневе кончает жизнь самоубийством. Между тем былин-ные герои христианского типа нередко терпят поражение и «проваливают» порученную им миссию (например, Алеша и Добрыня, отправленные на перехват Сокольника, или Потык, выехавший за князьим золотом), однако они готовы пережить личное бесчестие ради защиты иных, более значимых ценностей, о которых речь пойдет ниже.

Итак, второй тип русских эпических героев составляют богатыри, которые как будто намеренно действуют вопреки и даже противоположно законам нехристианского эпоса: не гnevаются из-за недооценки личной имущественной чести, но испытывают ярость совершенно по другим поводам. Эти герои к концу былины непременно одерживают победу. Ограниченный объем настоящей публикации позволяет нам привести лишь некоторые примеры того, как русские богатыри а) воздерживаются от гнева в ситуациях, когда герои других эпических песен поддаются этой эмоции и применяют силу, и б) исполняются гнева по причинам, недоступным языческому сознанию.

Воздержание от гнева при личном бесчестии

Необычную – можно даже сказать, «неэтичную» – для героического эпоса реакцию богатыря обнаруживаем в сюжете о Святогоре, которого исследователи былин традиционно считают представителем «старшего» поколения героев [Астахова, 1966. С. 29]. Однако когда Святогор узнает, что его жена имела «любовь телесную» с Ильей Муромцем, он прощает последнего и братается с ним («Святогор с Ильей Муромцем», 1861. С. 39), взламывая таким образом эпический канон, согласно которому исполин должен придти в ярость от личного бесчестия. И другой богатырь, которого эпосоведы относят к «старшим» [Астахова, 1966. С. 29], – Микула Селянинович – ведет себя совершенно не так, как положено герою дохристианского эпоса. Предлагая Микуле, обладателю колоссальной силы, «честь» рядового дружинника, Вольга – в понимании язычника – оскорбляет Селяниновича. Однако былинный оратай не гневается на «глупого» юношу. Снова и снова эпический певец подчеркивает превосходство Микулы в силе, быстроте, даже указывает на более высокий уровень его имущественной чести (крестьянину принадлежит чудесная сошка и несравненно более ценная лошадь, чем у самого Вольги). Слушатель-язычник вполне мог бы придти в недоумение: отчего такой могучий богатырь, как Микула, соглашается сопровождать Вольгу в столь бесславном предприятии, каковым является локальная карательная экспедиция против взбунтовавшихся «мужичков».

Только в финале песни аудитория догадывается, что Селянинович согласился на это из жалости к неразумным жителям «городков» – и к самому Вольге, которому угрожала смертельная западня, уготовленная бунтовщиками («поддельные мосточки», «подкопы» и др.); ради этого Микула воздерживается от гнева и на время соглашается стать рядовым дружинником у Вольги, которого он считает «глупым» («Вольга и Микула», 1894. С. 45), а всю его дружину – «немудрой» («Вольга и Микула», 1894. С. 9). Когда же Вольга предлагает Микуле постоянную службу – собирать дань с «городков», Селянинович от этого предложения отказывается. Микула не обменивает свою силу на общественное воздаяние, но дарит ее «мужич-

кам». И в этом случае, выслушав оскорбительное для себя предложение юного князя (собрать с «мужичков» дань, т. е., по сути, выступать в роли мытаря), могучий оратай не испытывает гнева, который для языческого героя является обязательной реакцией на недооценку его силы.

Илья Муромец гневается нередко, но вовсе не тогда, когда «положено» герою-язычнику. Например, «старой казак» прощает Алеше попытку обесчестить его: поймав в воздухе пущенный Поповичем нож, Илья вонзает его в пиршественный стол и мирно продолжает трапезу. Тот же Муромец в первую встречу с сыном отнюдь не гневается на него за то, что тот вначале одерживает верх над Ильей (в похожей ситуации Рустам («Шахнаме») и Хильдебранд немецкого эпоса убивают своих могучих сыновей, а Давид Сасунский – проклинает). Когда же князь Владимир велит отправить Илью в «погреб глубокий» («Илья Муромец и Калин-царь», 1988. С. 120), богатырь не приходит в ярость от такого бесчестия (как, например, Рустам) и не разбрасывает в стороны княжьих слуг, но позволяет себя заточить, а затем, когда иноземное нашествие угрожает Киеву, прощает князя и выходит на защиту города («Илья Муромец и Калин-царь»). В большинстве вариантов былины о трех поездках Ильи Муромца герой прощает и разбойников, которые пытаются сорвать с него одежду, лишить его коня и оружия (как мы показали выше, в подобных случаях языческий герой непременно приходит в ярость).

Дюк Степанович, будучи публично оскорблен Чурилой в храме, воздерживается от «героического» гнева и ограничивается указанием на то, что в церкви «не то поют, да не то слушают» («Дюк Степанович и Чурила Пленкович», 2001. С. 602). Пересмяк (Бермята), будучи обесчещен неверной женой, в большинстве вариантов предлагает супруге покаяться; иногда он трижды повторяет свою просьбу, невзирая на оскорбления из уст красавицы. Сказочно богатый Соловей Будимирович должен придти в ярость от того, что в его отсутствие князь Владимир предпочитает другого жениха для Запавы – заведомо менее достойного, однако персонаж отнюдь не гневается из-за столь очевидного бесчестия (выше мы говорили о том, насколько важны для эпического героя сватовство и брак в плане определения его «цены»). В связи со сватовством показателен и другой пример – из былин новгородского цикла: чтобы спасти Садка из плена Морского царя, святой Никола предлагает герою выбрать из множества прекрасных дочерей подводного владыки самую некрасивую, даже «шелудивую», и Садко без гнева «приравнивает» себя к стоимости «чернавки».

Что касается Добрыни Никитича, то структура его ценностного центра изменяется от былины к былине: так, в юности богатырь мотивирован личной честью и действует как герой языческого типа (в ярости отправляется топтать «змеенышей», чтобы отомстить Змее за смерть отца; гневается на паробков, упрекающих его в нерешительности, и заплывает за «третью струечку» Почай-реки). Однако Добрыня переживает два аксиологических «возраста», и для второго из них характерна девальвация языческого гнева как ценностной категории. Теперь именно Добрыня являет собой едва ли не самый яркий пример воздержания от гнева в ситуации крайнего личного бесчестия – в былине о возвращении богатыря на свадьбу своей жены. Этот «кочующий сюжет» в эпосах языческих народов (от «Одиссеи» до «Алпамыша») сводится к восстановлению личной чести супруга, и только былинный Добрыня совершенно не обеспокоен подобным, что решительно отличает его как от Одиссея, так и от Бейрека, который, вернувшись на свадьбу собственной жены, осведомляется первым делом о судьбе своих коней, верблюдов, баранов и др. («Книга моего деда Коркута»), и от императора Карла, главного героя средневековой повести «Испания», который в сходной ситуации более озабочен восстановлением власти над взбунтовавшимися баронами, нежели возвращением супруги. Добрыня же ограничивается тем, что несколько раз «хлопает» гусельками по голове несостоявшегося жениха, Алеши Поповича. Его реакция принципиально отличается от мести языческих героев – например, узбекского Алпамыша, который сорок дней пытается горе-жениха Ултаназу, прежде чем убить его, или алтайского Бучая, который казнит обесчестившую его жену со словами:

Ты – мой лютый, кровный враг!
 («Алтай-Бучай», 1975. С. 457)

Свободен от «героической ярости» и Алеша Попович, которого никто не встречает у коновязи, которого бесчестят позорным местом на княжеском пиру, которого Тугарин обзывает «сверчком» («Алеша Попович и Еким Иванович», 1894. Отд. 2. С. 95), прежде чем метнуть в него нож на глазах у всех пирующих. Любой герой нехристианского эпоса «обязан» в такой ситуации прогневаться, но с Поповичем подобного не происходит. Это не означает, что Алеша – трус, впоследствии он проявляет поистине безрассудную отвагу, провоцируя Змеевича. Такое поведение некоторыми иностранными исследователями былин воспринималось как неровное, непоследовательное: например, Чедвиков удивляло, что в русских героях «отсутствие смелости вполне сочетается с наивным безрассудством» [Chadwick H. M., Chadwick N. K., 1936. P. 87]. Для ученых, привыкших к некой «запрограммированности» действий, совершаемых языческим персонажем с его логикой честолюбия, мести и гнева, русский богатырь действительно может показаться бесчестным или трусливым. Между тем разгадка якобы «неровного» поведения Алеши заключается в том, что героя христианского типа приводит в ярость не личное бесчестье, но поругание внешних «честных» объектов или норм, ценность которых превышает в глазах героя ценность его собственной жизни.

Гнев, мотивированный не личным бесчестьем

Тот же Алеша исполняется ярости, когда Тугарин «разлучает» Владимира и Апраксию, т. е. бесчестит «закон Божий» – именно такую формулу для обозначения христианского брака обнаруживаем во многих русских старинах⁶ и обрядовых песнях⁷. Брак, который сам Христос почтил Своим первым чудом в Кане Галилейской, для русского эпического сознания «небесный» институт на земле, обладающий собственной «честью» (т. е. ценностью), и Алеша выступает в роли защитника брака: не своего собственного, но брака вообще, брака как института. Ярость ревнителя придает Алеше особую «божественную» смелость, которая совершенно не подкрепляется его реальной физической силой. В отличие от героя языческого типа, смелость которого непременно обусловлена превосходством в физической или колдовской силе, былинный Алеша – слабейший из богатырей; певцы говорят про него: «он силой не силен, да только напуском смел!» («Рождение, молодость и бой Сокольника с Ильей Муромцем», 2003. С. 467).

Из двух ценностей (избежать упреков в трусости или защитить ценность христианского брака от поругания) Алеша выбирает «внешнюю» ценность; в сходной ситуации герой «Песни о Роланде» допускает гибель двадцати тысяч рыцарей и ущерб репутации всего французского воинства ради сохранения личной чести от возможных упреков в трусости. В понимании язычника гнев Роланда безрассуден, но «велик», и любому современному французу понятны причины этой героической ярости; ревность же Алеши о браке для внехристианского сознания – безумие. Между тем эта самая смелость, «неутерпчивость», «запльвчивость» – способность сердца разгореться в ответ на несправедливость по отношению к *другому* – является богатырским «талантом» Алеши Поповича в понимании русских эпических певцов:

Нету на силу Самсонову
 Что того же Самсона Колыбанова,
 Нет на счастье государя Ильи Муромца,

⁶ См. в частности: Чурило и неверная жена Перемякина // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. СПб: Тропа Троянова, 2003. Т. 3. С. 73; Алеша и сестра Бродовичей // Беломорские былины, записанные А. Марковым. М.: А. А. Левенсон, 1901. С. 72; Про князя Михайлу // [Гуляев С. И.] Былины и исторические песни из Южной Сибири. Новосибирск: Новосиб. обл. гос. изд-во, 1939. С. 128.

⁷ См. в частности: «Как летал, летал сокол...» // Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Вып. 1 (Песни обрядовые). М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1911. С. 26; «Деревце сокоревце!..» // Там же. С. 193; «Как у сырова дуба...» // Там же. С. 218; «Под славным крепким городом Архангельском...» // [Соболевский А. И.] Великорусские народные песни. СПб: Гос. тип., 1895. Т. 1. С. 413.

На вежество – Добрынюшки Никитича,
На ярость – Олешеньки Поповича...
(«Дюк Степанович», 1894. Отд. 2. С. 172)

Впрочем, смелость, охватывающая героя в момент бессилия, – дар, свойственный не только Алеше. Так, Добрыня, безоружный и нагой, сдавленный в «хоботах» Змеи, внезапно исполняется ярости и силы, когда Змея начинает насмехаться над «святыми отцами»⁸. Илья испытывает гнев, реагируя на бесчестие, от которого страдает не сам герой, но внешние по отношению к нему объекты, установления и люди: «честные вдовы» и «сирота маломоженная», «закон Божий» (христианский брак) и другие Божьи установления на земле (например, институт милостыни Христа ради, которому противодействует Идолище Поганое в Царьграде), «честь-хвала» киевского богатырства и др. Узнав от перехожего калики о том, что в Царьграде «честные образа» осквернены и «в черные грязы потоптаны», Илья гневается на могучего пилигрима:

– Дурак ты, сильноё могучо ешь Иванищо!
Силы у тебя есте с два меня,
Смелости, ухватки половинки нет.
(...)
Зачем же ты не выручил царя-то Костянтина Боголюбова?
(«Илья Муромец и Идолище», 1894. С. 329)

Вновь, как и в случае с внехристианским концептом эпического гнева, мы наблюдаем «преизбыток» силы, однако ярость былинного героя вспыхивает в случае, когда допускается бесчестие «внешних» по отношению к нему объектов и установлений (в рассматриваемой былине – религиозных святынь и законной власти «хрестьянского» царя).

В завершение необходимо рассмотреть причины знаменитого гнева Ильи Муромца, приведшего к «бунту» героя. Илью забывают пригласить на пир (или предлагают ему место на «нижнем конце» («Илья и Соловей (ссора с Владимиром)», 1910. С. 158) стола, с детьми). В ответ «старой» прямо указывает на «несправедливость» (дисбаланс внутренней силы богатыря и внешней чести, ему воздаваемой): «Не по чину место, не по силе честь» («Бунт Ильи Муромца против князя Владимира», 1986. С. 101).

Когда витязя бесчестит его же господин, эпический герой либо гневается и выходит из повиновения (подобно Ахиллесу, Гийому Оранжевому или Манасу), либо мстит (как Нидуд «Старшей Эдды» или Кероглу одноименного эпоса), либо пытается убедить властителя в несправедливо заниженной оценке и принимает срочные меры для увеличения собственной «цены» как воина (подобно протагонисту «Песни о моем Сиде» или Герсе-хану огузской эпической поэзии). На первый взгляд действия разгневанного Ильи вполне соответствуют первой модели поведения: он обзывает гостей князя «воронами» и «воронятами» («Бунт Ильи Муромца против князя Владимира», 1986. С. 101), а один из певцов «заставляет» богатыря раскидать в стороны княжьих слуг, пытающихся вывести его силой («Илья и Соловей (ссора с Владимиром)», 1910. С. 159). В ряде разночтений богатырь говорит даже о намерении застрелить князя («Илья в ссоре с Владимиром», 1988. С. 149) (заметим, что для героев нехристианских эпосов, ценящих личную честь превыше всего, такое поведение является вполне целесообразным⁹, тогда как в былине угроза звучит лишь постфактум).

В чем же причина «внезапной» ярости богатыря, который обычно без гнева сносит личное бесчестие, даже более ошутимое: например, бросок ножа, пущенного Алешей на глазах у пирующих, насмешки Идолища и его обещание сделать из Муромца блин, мокрое место

⁸ См. в частности: Купанье и бой Добрыни со Змеем // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. СПб.: Тропа Троянова, 2003. Т. 3. С. 370; Старина про Добрыню Микитьевича (Добрыня и Змей) // Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. засл. орд. проф. В. Ф. Миллера, при ближайшем участии Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова. М.: Моск. высш. жен. курсы, 1908. С. 37.

⁹ Так, Ахиллес говорит Агамемнону в известной сцене, что мог бы убить его, а Гийом Короткий Нос, как мы отмечали выше, угрожает убить Людовика и всех пэров Франции.

и т. п.¹⁰, и, наконец, несправедливую опалу того же князя Владимира: заточение в «погребках глубоких» по навету клеветников. Разгадка обнаруживается в одном из самых полных вариантов этой былины (в целом, заметим, не особенно популярной ни на русском Севере, ни на Урале, ни в Сибири) – в записи, сделанной на Зимнем берегу Белого моря от А. М. Крюковой. Оказывается, князь «позабыл» не лично об Илье, но обо всей богатырской «корпорации», по-видимому, находясь под влиянием бояр:

Собирал-то князь Владимир-от почесен пир...
 (...)
 Собирал он больше на князей да всё на бояр же;
 Позабыл в чистом поле могучих он богатырей.
 («Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром», 1901. С. 220–221)

Становится ясно, что нежелание пригласить на пир «старого казака» есть не личное оскорбление Муромцу, но поругание соборной чести всех русских богатырей, отказ князя от их услуг в будущем. Неслучайно А. М. Крюкова считает необходимым подчеркнуть, что приглашение не получил ни один из героев: «Никакого он (Владимир. – А. М.) богатыря да не почёстывал» («Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром», 1901. С. 221). В других былинах Самсон со товарищи отказываются выступать на защиту Руси от Калина-царя именно потому, что князь Владимир «отказал» им от Киева¹¹. Следовательно, когда Илья Муромец упрекает князя в том, что тот воздает ему честь «не по силе», он подразумевает совокупную силу и честь всего русского богатырства.

Именно поэтому разъяренный Муромец не спешит покинуть Киев, чтобы служить другому владыке (как, например, Идегей), не уходит в глухие места, чтобы возглавить разбойничью банду (как Кероглу), но приступает к реализации не имеющего аналога в мировом эпосе «сценария по самоуничтожению». Он удаляется сбивать маковки с теремов и церковей, чтобы пропить их с «голями кабацкими». Бывший предводитель киевского богатырства словно демонстрирует князю, каким общественным злом может стать сила богатырей, если она будет направлена не на защиту законов, святынь и «честных» установлений. «Послание» Муромца можно прочитать следующим образом: если власть перестанет ценить богатырей, то они вынуждены будут отказаться от привычки использовать свою силу для защиты «честных» объектов (в частности, церковей).

Иными словами, «старой» ревнует о чести богатырства как института; по справедливому замечанию О. Ф. Миллера, Муромцу «и славы-то хочется лишь вообще про богатырей, для того лишь, чтобы такая общая слава о богатырстве удерживала насильников от вторжения в Землю Русскую» [Миллер, 1869. С. 802]. Нам удалось обнаружить два надежных подтверждения этому. Во-первых, во множестве вариантов рассматриваемой былины Илья является на пир «инкогнито», под видом никому не известного богатыря Никиты (Никитушки) («Бунт Ильи Муромца против князя Владимира», 1986. С. 101): «старому» важно испытать отношение князя к простым витязям. В такой ситуации «технически» невозможно личное бесчестие по отношению к самому Илье; мы видим, что Муромца возмущает нежелание Владимира чувствовать стекающихся в Киев богатырей, пусть даже малоизвестных в столице. Во-вторых, после вразумления князя и примирения с ним «старому казаку» предлагают наивысшее место за пиршественным столом – и здесь весьма показателен отказ героя. Он не ищет лично для себя наивысших почестей, но требует лишь вернуть богатырям их законное «место среднее».

Соборная слава богатырей и уровень чести, которую власть воздает богатырству как феномену русской общественной жизни, – вот о чем ревнует герой. Подтверждение этому находим в другой былинах: Муромец разъяряется, когда Сокольник бесчестит не его лично, но

¹⁰ См. в частности: Илья Муромец в изгнании и Идолище // Беломорские былины, записанные А. Марковым. М.: А. А. Левенсон, 1901. С. 219.

¹¹ См. в частности: Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром // Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1948. С. 48.

коллективную славу русских богатырей (наносит Добрыне Никитичу унижительные побои и грозит сделать киевских витязей своими слугами («Илья Муромец и Сокольник», 2003. С. 438–439)). Выезжая навстречу нахвальщику, разгневанный Илья прямо говорит о причине своей ярости:

Ай неужели нас, богатырей, ничем зовёшь?
(«Илья Муромец и Сокольник», 2001. С. 374)

Подобно Илье, ревнуют о коллективной чести русского богатырства и другие герои: так, Добрыня Никитич гневается из-за угрожающих надписей, оставленных Дунаем в шатре, а Василий Казимирович приходит в ярость, когда Абатуи пытается унижить русских послов неожиданным испытанием силы («Василий Казимирович», 1904. С. 267).

Итак, ярость былинных богатырей христианского типа вызвана попранием чести «внешних» по отношению к ним объектов, ценность которых превосходит, по мнению витязей, цену их собственной жизни. Эта ярость в аксиологическом плане идентична гневу царицы Елены из одноименной древнеанглийской песни Кюневульфа: Елена гневается на иудеев за то, что те отказываются указать ей место, где следует искать Крест, на котором был распят Спаситель¹². При этом сами иудеи никак не ущемляют личную честь царицы и потому недоумевают, в чем причина ее ярости. Между тем, гнев Елены есть чистое ревнование, вызванное недостатком чести, воздаваемой святыне. Заметим, впрочем, что концепт праведного гнева, не связанного с личной честью героя и понимаемого как производное от любви к святыне, не реализуется в произведениях героического эпоса англосаксов, тогда как именно этот концепт является, как было показано выше, одним из ключевых для ценностного центра русского эпического героя.

Итак, былинный герой христианского типа не испытывает ярости от личного бесчестия – в полном соответствии со словами апостола Павла: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию» (Рим. 12:19). Более того, герой сам превращается в орудие такого гнева; когда насильники или хулители не воздают должной чести святым образам, «честной вдове» или христианскому браку, его сердце «разгорается», он чувствует «обиду» за страдающего человека, за поправленную святыню.

В. М. Гацак указывал на то, что гнев, испытываемый героями архаического эпоса, зачастую связан с «телесной метаморфозой», тогда как гнев былинного богатыря вызван «эмоциональным порывом», душевным движением [Гацик, 1989. С. 33]. Это наблюдение справедливо в том плане, что необходимым условием «языческого» гнева является преизбыток именно физической силы, тогда как богатырскую «ярость» может испытывать даже мало-сильный герой (такой, как Алеша Попович).

С. Ю. Неклюдов, не различавший гнев, являющийся реакцией на личное бесчестие (Дунай, Васька Буслаев), и ярость, вызванную поруганием «честных» объектов защиты (Илья, Добрыня, Алеша и др.), выстраивал последовательность негативных психологических состояний, характерных для былинного богатыря, от «недовольства» к «обиде» и далее к «гневу» и «амокальным» формам «необузданного боевого исступления» [Неклюдов, 1973]. Однако это представление истинно лишь в отношении героев языческого типа, а также гневающихся антагонистов, нахвальщиков и завоевателей (Тугарин¹³, Сокольник¹⁴ и др.). Благородная же ярость богатырей, вызванная ревнованием, не имеет начальных и промежуточных «фаз», она не зарождается в чувстве «недовольства», но мгновенно охватывает «разгарчивое» сердце героя и требует немедленного действия.

¹² Cynewulf. Elene / Translated by Charles W. Kennedy. URL: http://www.yorku.ca/inpar/Elene_Kennedy.pdf (Accessed 16 December 2020).

¹³ См. в частности: Алеша Попович // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.: Наука, 1977. С. 103.

¹⁴ См. в частности: Бой Ильи с сыном // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск: Губернская типография, 1864. Ч. 3. С. 59.

Если рассматриваемая эмоция есть позитивная ценность для русского эпического сознания, это отнюдь не противоречит христианскому пониманию гнева как ревности о Боге. Вопреки искаженному восприятию христианства как учения о пассивном «непротивлении злу» (такое видение получило распространение среди интеллигенции под влиянием буддистских и сектантских идей, в частности, толстовства¹⁵), Церковь отвергает как греховную страсть лишь гнев себялюбивый.

В Новом Завете и апостольских посланиях нередко встречается слово θυμός, обозначающее сильное раздражение сердца, ярость¹⁶. Эту сердечную силу, как пишет Святой Григорий Назианзин, человек получает как «дар Божий», и в таком качестве она не имеет характера персонального возмездия за личное бесчестие или ущемление прав¹⁷. Святитель Василий Великий говорит о «пользе раздражительности» для тех, кто умеет контролировать эту силу и употреблять ее во благо ближнего, для ревнования о славе Божией [Святитель Василий Великий, 2008. С. 658]. Иоанн Пелусиот призывает «гневаться справедливо, когда речь идет или о славе Божией, или об исправлении ближнего, или когда должно наказать за обиженных», но предостерегает гневаться «в отмщении за себя самих»¹⁸. Святитель Иоанн Златоуст подчеркивает, что Христос не воспрещает гнев совершенно: ярость полезна, «когда мы не за себя самих отмщаем, но обуздываем дерзких»¹⁹. По его убеждению, гнев придан человеку от Бога «не с тем, чтобы мы грешили, но чтобы останавливали и других согрешающих» [Златоуст, 1899. С. 24].

В точном соответствии с этим правилом поступают те герои русских былин, которых можно отнести к «христианскому» типу. Буквально воспринимая слова Спасителя о необходимости подставить вторую щеку под удар (Мф. 5:39), такие персонажи отказываются от гнева, вызванного личным бесчестием. Однако – вслед за святыми отцами Православной Церкви – русское эпическое сознание не склонно трактовать упомянутые слова Сына Человеческого как призыв подставить под вражеский удар также и щеку ближнего или лицо своего законного государя и любимые «святые образа». В случаях, когда поруганию подвергаются святые, «законы Божьи» и другие люди, богатыри ощущают особое чувство – «ярость», «разгарчивость», «неутерпчивость» сердца. Способность испытать эту эмоцию имеет безусловно положительное значение в аксиологической системе русского эпического сознания и является «индикатором» богатырского характера как такового.

Список литературы

- Астахова А. М.** Былины. Итоги и проблемы изучения. М.; Л.: Наука, 1966. 292 с.
- Гацак В. М.** Устная эпическая традиция во времени. М.: Наука, 1989. 254 с.
- Говоров Д. М.** Непобедимый Мюльджю Бёгё. Олонхо: В 2 кн. Якутск: Бичик, 2010. Кн. 2. 320 с.
- Златоуст Иоанн.** Беседы на псалмы / На псалом 4 // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб.: Изд. С.-Петербург. дух. акад., 1899. Т. 5, кн. 1. С. 11–36.
- Майков Л. Н.** О былинах Владимирова цикла: Исследование Л. Майкова на степень магистра русской словесности. СПб.: Тип. Деп. внеш. торг, 1863. 142 с.
- Миллер О. Ф.** Илья Муромец и богатырство киевское. СПб.: Тип. Н. Н. Михайлова, 1869. 895 с.

¹⁵ Подобное толкование христианства отразилось и в работах ряда былинovedов, см., например: *Адрианова-Перетц В. П.* Древнерусская литература и фольклор. Л.: Наука, 1974. С. 24–26; *Аникин В. П.* Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 55.

¹⁶ См. в частности: Лк. 4. 28; Деян. 19. 28; 2 Кор. 12. 20; Гал. 5. 20; Еф. 4. 31; Кол. 3. 8; Евр. 11. 27.

¹⁷ См.: Гнев // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/165179.html> (дата обращения 16.12.2020).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

- Неклюдов С. Ю.** К вопросу об описании «эмоциональной реакции» былинного персонажа // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту: Тарт. гос. ун-т, 1973. С. 5–12.
- Поливанов Л. И.** Русские народные былины: тексты, объяснительные статьи и примечания. М.: Изд. Льва Поливанова (Тип. Е. Г. Потапова), 1888. 234 с.
- Святитель Василий Великий.** Беседа 10. На гневливых // Творения. М.: Сибирская благовонница, 2008. Т. 1. С. 653–659.
- Селиванов Ф. М.** Искусство изображения внутреннего мира человека в былинах // Фольклор как искусство слова. М.: Изд-во МГУ, 1969. Вып. 2. С. 85–107.
- Скафтымов А. П.** Поэтика и генезис былин: Очерки. М.; Саратов: В. З. Яксанов, 1924. Вып. 4. 226 с.
- Соколов Ю. М.** Русский былинный эпос (проблема социального генезиса) // Литературный критик. 1937. № 9. С. 171–196.
- Шталь И. В.** Художественный мир гомеровского эпоса. М.: Наука, 1983. 296 с.
- Bremmer R. H. Jr.** Looking Back at Anger: Wrath in Anglo-Saxon England. *The Review of English Studies*, 2015, no. 66 (275), p. 2–26.
- Chadwick H. M., Chadwick N. K.** The Growth of Literature. Vol. II. Cambridge, Cambridge University Press, 1936, XVII, 783 p.
- Luckenbill D. D.** Shut-abni, 'Those of Stone'. *The American Journal of Semitic Languages*, 1922, no. 38, p. 97–102.

Список источников

- Алеша Попович и Еким Иванович // Русские былины старой и новой записи. М.: Скоропеч. А. А. Левенсона, 1894. Отд. 2. С. 93–97.
- Алтай-Бучай // Героический эпос народов СССР. М.: Худож. лит., 1975. Т. 1. С. 416–460.
- Беовульф // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Худож. лит., 1975. С. 27–180.
- Бой Кухулина с Фердиадом // Ирландские саги. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1961. С. 133–172.
- Бунт Ильи Муромца против князя Владимира // Былины: Сборник. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 101–103.
- Василий Буслаев в Новгороде // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. СПб.: Типо-литогр. Н. Соколова и В. Пастор, 1904. С. 346–351.
- Василий Буслаевич // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М.: Тип. А. Семена, 1861. Ч. 1. С. 344–351.
- Василий Буслаевич // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск: Губернская тип., 1864. Ч. 3. С. 233–239.
- Василий Буслаев и Новгородцы: [Былина] № 239 // Былины: В 25 т. СПб.; М.: Наука; Классика, 2001. Т. 2. С. 212–213.
- Василий Казимирович // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. СПб.: Типо-литогр. Н. Соколова и В. Пастор, 1904. С. 263–269.
- Вольга и Микула // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: Тип. Акад. наук, 1894. Т. 3.
- Гомер.** Илиада. СПб.: Наука, 2008. 573 с.
- Гуругли // Героический эпос народов СССР. М.: Худож. лит., 1975. Т. 2. С. 353–394.
- Давид Сасунский. М.: Худож. лит., 1939. 79 с.
- Джангар: Калмыцкий народный эпос. Элиста: Калмиздат, 1971. 406 с.
- Дюк Степанович // Русские былины старой и новой записи. М.: Скоропеч. А. А. Левенсона, 1894. Отд. 2. С. 172–176.
- Дюк Степанович и Чурила Пленкович: [Былина] № 141 // Былины: В 25 т. Т. 1. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. С. 600–607.

- Иван Годинович: [Былина] № 160 // Былины: В 25 т. СПб.; М.: Наука; Классика, 2004. Т. 4. С. 347–350.
- Идегей. Татарский народный эпос. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 255 с.
- Илья в ссоре с Владимиром // Былины. М.: Сов. Россия, 1988. С. 145–149.
- Илья и Соловей (ссора с Владимиром) // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. В 3 т. М.: Сотрудник школ, 1910. Т. 2. С. 146–169.
- Илья Муромец и Идолище // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: Тип. Акад. наук, 1894. Т. 1. С. 326–335.
- Илья Муромец и Калин-царь // Былины. М.: Сов. Россия, 1988. С. 120–136.
- Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 70 // Былины: В 25 т. СПб.; М.: Наука; Классика, 2001. Т. 1. С. 371–375.
- Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 89 // Былины: В 25 т. СПб.; М.: Наука; Классика, 2003. Т. 3. С. 435–443.
- Манас: киргизский героический эпос: прозаический пересказ сюжета. Бишкек: Учкун, 1999. 431 с.
- Нимская телега // Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. М.: Худож. лит. 1976. С. 217–256.
- Рождение, молодость и бой Сокольника с Ильей Муромцем // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. СПб.: Тропа Троянова, 2003. Т. 3. 466–470.
- Сага о Ньяле // Исландские саги. Ирландский эпос. М.: Худож. лит., 1973. С. 163–445.
- Сватовство к Эмер // Ирландские саги. Л.; М.: Academia, 1933. С. 103–131.
- Святогор с Ильёю Муромцем // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М.: Тип. А. Семена, 1861. Ч. 1. С. 33–42.
- Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром // Беломорские былины, записанные А. Марковым. М.: А. А. Левенсон, 1901. С. 220–228.
- Фирдоуси. Шах-наме. М.: Худож. лит., 1972. 798 с.
- Храбрый Содани-богатырь // Эвенкийские героические сказания. Новосибирск: Наука, 1990. С. 127–237.
- Beowulf. With a Translation and Notes by Julius Zupitza, PhD. London, N. Trubner & CO, 1882, 146 p.
- Homer.** The Iliad. With an English translation by A. T. Murray. London, New York, William Heinemann LTD, G. P. Putman's Sons, 1928, vol. I, XVIII, 579, 8 p.

References

- Astakhova A. M.** Byliny. Itogi i problemy izucheniya [Bylinas: The Outcomes and Problems of Their Analysis]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1966, 292 p. (in Russ.)
- Bremmer R. H. Jr.** Looking Back at Anger: Wrath in Anglo-Saxon England. *The Review of English Studies*, 2015, no. 66 (275), p. 2–26.
- Chadwick H. M., Chadwick N. K.** The Growth of Literature. Vol. II. Cambridge, Cambridge University Press, 1936, XVII, 783 p.
- Gatsak V. M.** Ustnaya epicheskaya traditsiya vo vremeni [The Folk Epic Tradition as Given over Time]. Moscow, Nauka, 1989, 254 p. (in Russ.)
- Govorov D. M.** Nepobedimyi Myul'dzhyu Bege. Olonkho [The Invincible Myul'dzhyu Bege. An Olonkho]. In: 2 vols. Yakutsk, Bichik, 2010, vol. 2, 320 p. (in Russ.)
- Luckenbill D. D.** Shut-abni, 'Those of Stone'. *The American Journal of Semitic Languages*, 1922, no. 38, p. 97–102.
- Maikov L. N.** O bylinakh Vladimirova tsikla: Issledovanie L. Maikova na stepen' magistra russkoi slovesnosti [On the Bylinas of Kievan Circle: L. Maikov's Dissertation for a Master's Degree in Russian Folklore and Literature]. St. Petersburg, 1863, 142 p. (in Russ.)

- Miller O. F.** Iliya Muromets i bogatyrstvo kievskoe [Iliya Muromets and the Knights of Kiev]. St. Petersburg, N. N. Mikhailov Publ., 1869, 895 p. (in Russ.)
- Neklyudov S. Yu.** K voprosu ob opisaniii “emotsional’noi reaktsii” bylinnogo personazha [On the Question of Bylina Personages’ “Emotional Reaction” and Its Description]. In: Sbornik statei po vtorichnym modeliruyushchim sistemam [Collected Papers on Secondary Modeling Systems]. Tartu, Tartu State Uni. Press, 1973, p. 5–12. (in Russ.)
- Polivanov L. I.** Russkie narodnye byliny: teksty, ob“yasnitel’nye stat’i i primechaniya [Russian Folk Bylinas: Texts, Explanatory Articles, and Comments]. Moscow, Izd. Lva Polivanova (Tip. E. G. Potapova) Publ., 1888, 234 p. (in Russ.)
- Selivanov F. M.** Iskusstvo izobrazheniya vnutrennego mira cheloveka v bylinakh [The Bylina Art of Psychological Representation]. In: Fol’klor kak iskusstvo slova [Folklore as a Verbal Art]. Moscow, MSU Press, 1969, vol. 2, p. 85–107. (in Russ.)
- Shtal I. V.** Khudozhestvennyi mir gomerovskogo eposa [The Artistic World of Homer’s Epics]. Moscow, Nauka, 1983, 296 p. (in Russ.)
- Skaftymov A. P.** Poetika i genezis bylin: Oчерki [The Poetics and Genesis of Bylinas]. Moscow, Saratov, V. Z. Yaksanov Publ., 1924, iss. 4, 226 p. (in Russ.)
- Sokolov Yu. M.** Russkii bylinnyi epos (problema sotsial’nogo genezisa) [Russian Folk Epics (The Problem of Social Genesis)]. *Literaturnyi kritik* [Literary Critic], 1937, no. 9, p. 171–196. (in Russ.)
- Svyatitel’ Vasily Veliky** [Saint Basil the Great]. Beseda 10. Na gnevliykh [Discourse 10. On the Angry]. In: Tvoreniya [Selected Works]. Moscow, Sibirskaya blagozvonitsa Publ., 2008, vol. 1, p. 653–659. (in Russ.)
- Zlatoust Ioann.** Besedy na psalmy / Na psalom 4 [Discourses on the Psalms / On the Psalm 4]. In: Tvoreniya svyatogo ottsa nashogo Ioanna Zlatousta, Arkhiepiskopa Konstantinopol’skogo, v russkom perevode [The Works of Our Holy Father John Chrysostom, the Archbishop of Constantinople, Translated into Russian]. St. Petersburg, 1899, vol. 5, book 1, p. 11–36. (in Russ.)

List of Sources

- Alesha Popovich i Ekim Ivanovich [Alesha Popovich and Ekim Ivanovich]. In: Russkie byliny staroi i novoi zapisi [Russian Bylinas Written down Long ago and Recently]. Moscow, A. A. Levenson Publ., 1894, pt. 2, p. 93–97. (in Russ.)
- Altai-Buchai [Altai-Buchai]. In: Geroicheskiy epos narodov SSSR [The Heroic Epics of the People of the USSR]. Moscow, 1975, vol. 1, p. 416–460. (in Russ.)
- Beowulf [Beowulf]. In: Beowulf. Starshaya Edda. Pesn’ o Nibelungakh [Beowulf. The Poetic Edda. The Song of the Nibelungs]. Moscow, 1975, p. 27–180. (in Russ.)
- Beowulf. With a Translation and Notes by Julius Zupitza, PhD. London, N. Trubner & CO, 1882, 146 p.
- Boi Kukhulina s Ferdiadom [The Battle between Cú Chulainn and Ferdiad]. In: Irlandskie sagi [The Irish Sagas]. Moscow, Leningrad, 1961, p. 133–172. (in Russ.)
- Bunt Ilii Muromtsa protiv knyazya Vladimira [Iliya Muromts’s Revolt against Prince Vladimir]. In: Byliny [Bylinas]. A Collection. Leningrad, Soviet writer Publ., 1986, p. 101–103. (in Russ.)
- David Sasunsky [David of Sassoun]. Moscow, 1939, 79 p. (in Russ.)
- Dyuk Stepanovich [Dyuk Stepanovich]. In: Russkie byliny staroi i novoi zapisi [Russian Bylinas Written Down Long Ago and Recently]. Moscow, A. A. Levenson Publ., 1894, pt. 2, p. 172–176. (in Russ.)
- Dyuk Stepanovich i Churila Plenkovich: [Bylina] № 141 [Dyuk Stepanovich and Churila Plenkovich: (The Bylina) № 141]. In: Byliny [Bylinas]. In 25 vols. St. Petersburg, Moscow, Nauka, Klassika Publ., 2001, vol. 1, p. 600–607. (in Russ.)
- Dzhangar: Kalmytskii narodnyi epos [Dzhangar: A Kalmyk Folk Epic]. Elista, Kalmizdat Publ., 1971, 406 p. (in Russ.)

- Firdousi. Shakh-name [Shahnameh]. Moscow, 1972, 798 p. (in Russ.)
- Gurugli [Gurugli]. Geroicheskie eposy narodov SSSR [The Heroic Epics of the Peoples of the USSR]. Moscow, 1975, vol. 2, p. 353–394. (in Russ.)
- Homer.** Iliada [The Iliad]. St. Petersburg, Nauka, 2008, 573 p. (in Russ.)
- Homer.** The Iliad. With an English translation by A. T. Murray. London, New York, William Heinemann LTD, G. P. Putman's Sons, 1928, vol. I, XVIII, 579, 8 p.
- Idegei. Tatarskii narodnyi epos [Idegei. A Tatar Folk Epic]. Kazan, 1990, 255 p. (in Russ.)
- Iliya i Solovei (ssora s Vladimirom) [Iliya and Solovei (The Quarrel with Vladimir)]. In: Pesni, sobrannye P. N. Rybnikovym [The Songs Collected by P. N. Rybnikov]. In 3 vols. Moscow, Sotrudnik shkol Publ., 1910, vol. 2, p. 146–169. (in Russ.)
- Iliya Muromets i Idolishche [Iliya Muromets i Idolishche]. In: Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda [The Onega Bylinas Written down by Alexandr Fedorovich Hilferding in the Summer of 1871]. St. Petersburg, Tip. Akad. Nauk Publ., 1894, vol. 1, p. 326–335. (in Russ.)
- Iliya Muromets i Kalin-tsar' [Iliya Muromets and the Tsar Kalin]. In: Byliny [Bylinas]. Moscow, Soviet Russia Publ., 1988, p. 120–136. (in Russ.)
- Iliya Muromets i Sokol'nik: [Bylina] № 70 [Iliya Muromets and Sokol'nik: (The Bylina) № 70]. Byliny [Bylinas]. In 25 vols. St. Petersburg; Moscow, Nauka; Klassika Publ., 2001, vol. 1, p. 371–375. (in Russ.)
- Iliya Muromets i Sokol'nik: [Bylina] № 89 [Iliya Muromets and Sokolnik: (The Bylina) № 89]. In: Byliny [Bylinas]. In 25 vols. St. Petersburg; Moscow, Nauka; Klassika Publ., 2003, vol. 3, p. 435–443. (in Russ.)
- Iliya v ssore s Vladimirom [Iliya Quarrels with Vladimir]. In: Byliny [Bylinas]. Moscow, Soviet Russia Publ., 1988, p. 145–149. (in Russ.)
- Ivan Godinovich: [Bylina] № 160 [Ivan Godinovich: (The bylina № 160)]. In: Byliny [Bylinas]. In 25 vols. St. Petersburg, Moscow, Nauka, Klassika Publ., 2004, vol. 4, p. 347–350. (in Russ.)
- Khrabryi Sodani-bogatyri' [Brave Sodani the Hero]. In: Evenkiiskie geroicheskie skazaniya [Evenki Heroic Tales]. Novosibirsk, Nauka, 1990, p. 127–237. (in Russ. and Evenki)
- Manas: kirgizskii geroicheskie epos: prozaicheskie pereskazy syuzheta [Manas: A Kirgiz Heroic Epic: A Prose Rendering of the Plot]. Bishkek, Uchkun, 1999, 431 p. (in Russ.)
- Nimskaya telega [The Cartage of Nîmes]. Pesn' o Rolande. Koronovanie Lyudovika. Nimskaya telega. Pesn' o Side. Romansero [The Song of Roland. The Crowning of Louis. The Cartage of Nîmes. The Song of the Cid. The Romancero]. Moscow, 1976. p. 217–256. (in Russ.)
- Rozhdenie, molodost' i boi Sokol'nika s Ilii Muromtsem [Sokolnik's Birth, Adolescents, and Fight with Iliya Muromets]. In: Arkhangel'skie byliny i istoricheskie pesni, sobrannye A. D. Grigorievym v 1899–1901 gg. s napevami, zapisannymi posredstvom fonografa [Archangels Bylinas and Historical Songs, Collected by A. D. Grigoriev in 1899–1901 with Their Melodies Recorded through Phonograph]. In 3 vols. St. Petersburg, Tropa Troyanova Publ., 2003, vol. 3, p. 466–470. (in Russ.)
- Saga o Niyale [Njáls Saga]. In: Islandskie sagi. Irlandskii epos [The Icelandic Sagas. The Irish Epics]. Moscow, 1973, p. 163–445. (in Russ.)
- Ssora Ilii Muromtsa s knyazem Vladimirom [Iliya Muromets's Quarrel with Prince Vladimir]. In: Belomorskie byliny, zapisannye A. Markovym [The Belomorsk Bylinas Written Down by A. Markov]. Moscow, A. A. Levenson Publ., 1901, p. 220–228. (in Russ.)
- Svatovstvo k Emer [The Wooing of Emer]. Irlandskie sagi [The Irish Sagas]. Leningrad, Moscow, Academia Publ., 1933, p. 103–131. (in Russ.)
- Svyatogor s Iliyu Muromtsem [Svyatogor with Iliya Muromets]. In: Pesni, sobrannye P. N. Rybnikovym [The Songs Collected by P. N. Rybnikov]. In 3 vols. Moscow, A. Semen Publ., 1861, vol. 1, p. 33–42. (in Russ.)

- Vasily Buslaev i Novgorodtsy: [Bylina] № 239 [Vasily Buslaev and the Citizens of Novgorod (The Bylina) № 239]. In: Byliny [Bylinas: In 25 vols.]. St. Petersburg, Moscow, Nauka, Klassika Publ., 2001, vol. 2, p. 212–213. (in Russ.)
- Vasily Buslaev v Novgorode [Vasily Buslaev in Novgorod]. In: Pechorskie byliny [The Bylinas of Pechora]. St. Petersburg, N. Sokolov and V. Pastor Publ., 1904, p. 346–351. (in Russ.)
- Vasily Buslaevich [Vasily Buslaevich]. In: Pesni, sobrannye P. N. Rybnikovym [The Songs Collected by P. N. Rybnikov]. In 3 vols. Petrozavodsk, 1864, vol. 3, p. 233–239. (in Russ.)
- Vasily Buslaevich [Vasily Buslaevich]. In: Pesni, sobrannye P. N. Rybnikovym [The Songs Collected by P. N. Rybnikov]. In 3 vols. Moscow, A. Semen Publ., 1861, vol. 1, p. 344–351. (in Russ.)
- Vasily Kazimirovich [Vasily Kazimirovich]. In: Pechorskie byliny [The Bylinas of Pechora]. St. Petersburg, N. Sokolov and V. Pastor Publ., 1904, p. 263–269. (in Russ.)
- Volga i Mikula. In: Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fyodorovichem Gilferdingom letom 1871 goda. St. Petesburg, 1894, vol. 3. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
17.12.2020

Сведения об авторе

Миронов Арсений Станиславович, кандидат филологических наук, доцент кафедры народной художественной культуры Московского государственного института культуры (Химки, Россия)

arsenymir@yandex.ru

Information about the Author

Arseny S. Mironov, Cand. of Philology, Associate Professor at the Chair of Folk Artistic Culture, Moscow State Institute of Culture (Khimki, Russian Federation)

arsenymir@yandex.ru